

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-11-27

УДК 165.4; 304.44

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ФИЛОСОФСКОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА ПОСТПРАВДЫ (ПОСТИСТИНЫ)

Хмелевская Светлана Анатольевна,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии естественных факультетов
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы,
МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский»
ORCID: 0000-0002-0119-405X
xmelevsk@mail.ru*

Яблокова Наталия Игоревна,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
Московского государственного технологического университета «СТАНКИН»,
Россия, 127994, г. Москва, ГСП-4, Вадковский пер., 3А, стр. 1
n020337@yandex.ru*

Аннотация

Предметом исследования является феномен постправды (постистины), рассмотренный в ракурсе философской методологии, для чего авторы обращаются к определению данного феномена и анализу его сущности. В статье рассматриваются сложности, которые вызывает сама конструкция данного термина. Указывается, что неразличение понятий «правда» и «истина» приводит к некорректным переводам этого термина на русский язык. Авторы статьи полагают, что термин «post-truth» может быть переведен как «постистина» и применим к рефлексивному знанию, раскрывающему объекты в их собственной логике развития, и как «постправда» по отношению к валлоативному знанию, раскрывающему аксиологический подход к миру. Анализ применения термина «post-truth» показал, что существует, по меньшей мере, три подхода. Во-первых, термин используется в негативной коннотации, для характеристики состояния общества, при котором общезначимая правда (объективная истина) «исчезла», и каждый трактует ее по-своему, хотя «свое» толкование – это, по сути, навязанная интерпретация. Во-вторых, в позитивной коннотации, когда в состоянии постправды истина не отрицается, но констатируется, что она изменила форму своего

существования, растворясь в частичных истинах, выражаемых многочисленными субъектами. В-третьих, в нейтральной коннотации, исходящей из того, что постправда была всегда, сейчас же из-за новых информационно-коммуникационных технологий она просто стала более заметной. В заключении делаются выводы, что ситуация постправды (постистины) сформировала новые условия для развития рефлексивного знания, прежде всего, за счет «демократизации науки», а также валюативного знания, в том числе благодаря процессам самокоммуникации. Но полученные следствия должны быть критически переосмыслены. Значит, требуется еще раз вернуться к сформировавшимся правилам игры, проанализировать их в ракурсе возможных рисков, принять меры для их предотвращения. К этому следует добавить и необходимость развития критического мышления, в том числе и у широкой аудитории соцсетей.

Ключевые слова: правда, истина, постправда, постистина, рефлексивное знание, валюативное знание, убеждения, правила игры, демократизация науки, манипуляция массовым сознанием.

Библиографическое описание для цитирования:

Хмелевская С.А., Яблокова Н.П. Возвращаясь к философскому осмыслению феномена постправды (постистины) // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2, ч. 1. – С. 11–27. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-11-27.

О феномене постправды написано достаточно много, в том числе и философами, но после того как этот термин стал широко использоваться в научной литературе, политической риторике, СМИ и пр., многое начинает выглядеть по-новому и требует философского переосмысления. В связи с этим возникают вопросы теоретического характера: что, собственно, обозначается термином «постправда», когда можно констатировать появление данного феномена в истории, обнаруживает ли его появление в современности некий общемировой тренд, или оно локализовано определенным типом общества? Но есть и проблемы прикладного характера: каковы негативные последствия от появления данного феномена, и если они есть, то как им противостоять?

Итак, термин «постправда» прочно вошел в современную, в частности научную, лексику. Вместе с тем его конструкция и его перевод на русский язык порождают ряд сложностей, связанных с его интерпретацией.

Во-первых, следует согласиться с теми авторами, которые считают конструкцию анализируемого термина неудачной [17, 18]. Действительно, приставка «пост-» свидетельствует о явлении или процессе, которые наступают после чего-то, в данном случае – после правды. Но отрицает ли «постправда» правду как таковую? Ответ неочевиден. По меньшей мере, он требует уточнения, что такое «правда» и каковы характеристики ситуации, когда имело место господство правды.

Во-вторых, на русский язык термин «post-truth» переводится по-разному: постистина или постправда. Причем авторы перевода нередко упускают из вида то, что понятия «правда» и «истина» в русском языке имеют разные значения. Достаточно обратиться к соответствующим словарям или учебникам, чтобы убедиться в этом: ценностно-экзистенциальный аспект истины фиксируется в русском языке словами «правда», «праведность», «правота» [3, с. 524]; «если истина характеризует наши убеждения в их отношении к реальности, то правда характеризует их в отношении к нравственным ценностям» [19, с. 330].

В концепции постправды обозначенные аспекты не различаются; между тем их различие весьма существенно. Для обоснования этого сошлемся на работы авторов, которые выделяют разные по своей природе виды знаний: рефлексивные и валюативные [9, 16]. Почему это важно? Каждый из указанных видов знания имеет разное отношение к истине. Рефлексивные знания – это результат ориентационного сознания, которое стремится «понять мир в собственной логике его существования, данной субъекту принудительно и не зависящей от его ценностных предпочтений» [9, с. 115]. Истина в ее гносеологической трактовке [3, с. 525] соотносится именно с рефлексивными знаниями.

Валюативные знания связаны с деятельностью проектного сознания, которое интересуется не мир сам по себе, а «значения мира для живущих в нем людей» [9, с. 116]. Именно с валюативным знанием соотносится понятие «правда», так как суждения ценности «не подлежат гносеологической верификации, они дают нам не знания о мире, а адаптивно значимые мнения о нем, которые не могут быть объективно истинными или ложными» [9, с. 116]. Общезначимость тех или иных ценностных суждений не делает их гносеологически истинными.

Не разделяя понятия «правда» и «истина», феномен постправды применяют и к рефлексивному, и к валюативному видам знания. Между тем это разделение задает разную векторность исследования постправды (постистины). Кто-то из исследователей делает акцент на валюативном знании («у каждого своя правда»), и можно сказать, что ситуация постправды в данном случае не прибавила к его пониманию ничего нового, так как было давно установлено, что «у каждого человека, оценивающего мир, своя “правда”, в основе которой – субъективное представление о желаемых целях существования в мире» [9, с. 118]. Другие исследователи ситуацию постправды распространяют на всё знание – и валюативное, и рефлексивное, полагая, что «между суждениями истины и нарративами общественного мнения отсутствует принципиальная разница» [9, с. 118], и тогда истина в ее гносеологическом понимании отрицается, а если не отрицается, то релятивизируется. Вместе с тем ряд исследователей в своих работах

делают акцент на роли постправды (постистины) в получении рефлексивного знания (например, в переформулировании правил игры в разработке рефлексивного знания [13]).

В связи с этим представляется необходимым разделять понятия «пост-правда» и «постистина». Примечательно, что переводчик на русский язык работы С. Фуллера «Постправда. Знание как борьба за власть» предпочел использовать термин «постистина», так как сам автор применял его к эпистемологии и социологии науки [13, с. 11]. Такое различие дает возможность более глубокого понимания и корректного использования анализируемого термина.

С одной стороны, постправда характеризует ситуации, когда люди глухи и слепы в отношении фактов, опровергающих их убеждения, руководствуясь при этом только эмоциями. Отсюда следуют ошибки в принятии решений, причем решений не личного, а общественного характера (что сторонники концепции постправды связывают, например, с победой на президентских выборах в США 2016 г. республиканца Д. Трампа и с итогами консультативного референдума, состоявшегося в июне 2016 г., по прекращению членства Великобритании в Европейском союзе и связанной с ним процедурой Brexit). Здесь ситуация постправды ограничивается валютативным знанием.

Хотя возможна ситуация постправды, когда к тем или иным убеждениям приклеивается ярлык «истина», а валютативные знания выдаются за рефлексивные. В связи с этим вспоминается отрывок из Р. Киплинга, когда обезьяны твердили Маугли, как «они мудры, сильны и добры, и как он неразумен, что хочет с ними расстаться.

– Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим – значит, это правда! – кричали они»¹.

Причем такой вариант постправды предлагается и некоторыми исследователями. Так, И. Годлер утверждает, что «если общество согласится с тем, что какое-то убеждение верно – например, что Советский Союз на протяжении большей части холодной войны имел экспансионистские планы внешней политики, – тогда журналисты могут легко опираться на это убеждение без необходимости в каких-либо дополнительных доказательствах или свидетельствах» [21, с. 171]. Это типичный пример, когда на валютативное знание навешивается ярлык «истина», хотя за ним скрывается лишь мнение, возможно, разделяемое многими.

Некоторые авторы отмечают, что постправда при общей негативной оценке несет ряд позитивных моментов: так в конечном итоге устанавли-

¹ Киплинг Р. Охота Каа / пер. с англ. Н. Дарузес. // Маугли (из Книги джунглей). – Ярославль: Ярослав. кн. изд-во, 1958. – С. 37.

ваются границы плюрализма в отношении аксиологических истин валлоативного знания (например, такой границей может быть сформированный консенсус или согласованная совместимость относительно базовых ценностей в обществе). Но данный консенсус рождается в процессе обсуждения частных мнений («все правы, но лишь частично» [22, с. 271]). В противном случае это опять навязывание мнений, в том числе через механизмы принуждения.

С другой стороны, постистина применительно к рефлексивному знанию может, по С. Фуллеру, отражать новую ситуацию в эпистемологии, когда идет деконструкция прежних правил игры (рухнет монополизация производства истины теми или иными социальными институтами) и устанавливаются новые, допускающие к такой игре множество новых субъектов [13], а может, по Б. Латуру, выступать в качестве меры борьбы с антинаукой [7].

В-третьих, попытки представить значение анализируемого термина как результат конфронтации, противопоставления эмоций и убеждений, с одной стороны, и фактов (реальных фактов, истины), с другой стороны, представляются, по мнению ряда авторов, неубедительными. И с этим следует согласиться. Так, Ф. Д'Агостини отмечает, что «если термин предназначен для обозначения общего безразличия к проверке фактов в пользу эмоций или предвзятых убеждений, то этот термин неудачен, поскольку он постулирует противоречие между свойствами, которые в принципе не являются несовместимыми» [22, с. 266]. Эмоции и убеждения всегда влияли на отбор и восприятие фактов. И люди всегда предпочитали, чтобы факты подтверждали, а не разрушали их убеждения. Поэтому, как отмечает Б. Маккомиски, ложные убеждения еще не свидетельствуют о неуважении к истине; почти все убеждения объясняются рационально обоснованным доверием к одним источникам информации и недоверием к другим [27].

Вследствие терминологической неопределенности при трактовке постправды (постистины) среди исследователей возникают разногласия. Причем нередко этот термин употребляют в негативной коннотации. Так, анализ в системе научной электронной библиотеки Elibrary названий опубликованных за последние годы статей, в которых использовался данный термин (по состоянию на начало 2023 г.), показал, что из 48 статей, написанных отечественными авторами, в 32 он был использован с отрицательным оттенком («постправда как удвоение реальности», «постправда как результат псевдонаучного формотворчества» и пр.). Если взять за основу определение термина «постправда» («постистина») в Оксфордском словаре («выражает обстоятельства, в которых люди больше реагируют на чувства и убеждения, чем на факты» [29]), то в ракурсе возможных коннотаций этого термина его определение достаточ-

но нейтральное. Но применяя это определение постправды (постистины) к рефлексивному или валлоативному виду знания, исследователи интерпретируют его в оптике положительной или негативной коннотации. Хотя возможен и нейтральный вариант его оценки.

Действительно, по аналогии с высказываниями Ж.-Ф. Лиотара можно утверждать, что постправда (постистина) отражает «состояние знания в современных наиболее развитых обществах» [8, с. 9]. Хотя с такой трактовкой постправды (постистины) некоторые авторы могли бы не согласиться, например, те, кто полагает, что этот феномен появился в далеком прошлом. Так, С. Фуллер обосновывает идею о том, что рождение риторики в период Античности следует рассматривать как «ключевой элемент концептуального комплекса постистины» [13, с. 58], в нынешних же условиях вновь возник вопрос «о правилах игры в науке, литературе и искусстве» [13, с. 58]. Имея множество интерпретаций того, что такое постправда (постистина), сложно сделать однозначный вывод по поводу времени возникновения данного феномена. В любом случае какие-то его черты проглядывали еще в прошлом, но нельзя отрицать того, что он актуализирован новыми сложившимися условиями и поэтому имеет свою специфику здесь и сейчас.

Итак, постправда (постистина) описывает некую ситуацию, в которой зафиксировано особое отношение к правде (истине). Причем в силу неопределенности термина сама ситуация постправды (постистины) предполагает несколько вариантов ее интерпретации.

Один из таких вариантов имеет явный крен в сторону негативной коннотации этого термина. Ситуация постправды описывается в панических настроениях как состояние общества, при котором общезначимая правда (объективная истина) «исчезла», каждый трактует ее по-своему, хотя «свое» толкование – это, по сути, навязанная интерпретация (СМИ, государством, транснациональными корпорациями, пропагандистами всех мастей и пр.), так как в мире симулякров правды-истины как таковой не может быть по определению. Большинство людей в такой ситуации дезориентированы, они опираются больше на чувства, чем на разум, и не могут отличить правду от лжи (отсюда сентенции типа «меня постоянно обманывали, а я им верил, хотя и сейчас не уверен, что мне говорят правду»).

Анализируемая модель основывается, по сути, на бодрийеровском понимании современного мира как мира симулякров [1]. В этом мире правды-истины нет, а есть только их подобие в виде симулякра. «Предметное пространство анализа “политики постправды” описывается как противостояние “неистинной”, “неразумной”, “манипулятивной” (“пропагандистской”) технологии социального конструирования политическими элитами и экспертными сообществами политической повестки дня по-

средством современных массмедиа, – истинным, основанным на научном анализе дискурсивным практикам критического анализа интеллектуалов» [12, с. 8]. Ли Макинтайр в связи с этим определяет постправду как подчинение реальности политике, а претензия на истинность на самом деле – это борьба за власть [11].

Некоторые авторы трактуют постправду как промежуточное состояние между истиной и ложью. Так, Р. Кейес описывает эту ситуацию так: в эпоху постправды у нас есть не только правда и ложь, но и третья категория двусмысленных утверждений, которые не совсем соответствуют истине. Это можно назвать «расширенной правдой, *неоправдой*, мягкой правдой, поддельной правдой, облегченной правдой» [25].

Другой вариант интерпретации: истина существует, но она изменила форму своего существования («новый режим истины» [18]), растворясь в частичных истинах, выражаемых многочисленными субъектами. Каждый получил право заниматься продуцированием истины.

Такой вариант постистины описал С. Фуллер, представив ситуацию постистины как изменение правил игры [13]. Для более полного понимания этой ситуации он использовал образы львов и лис². Львы защищают существующие правила игры, по которым истина вырабатывается определенными социальными институтами (например, учеными, экспертами). Лисы пытаются оспорить такие правила и провозглашают широкое понимание субъектов, продуцирующих истину. «Я сам разделяю сторонников «истины» и «постистины» в соответствии с тем, играют ли люди по правилам актуальной игры знания, или же они пытаются изменить правила игры себе на пользу» [13, с. 102, 103].

На наш взгляд, этот вариант интерпретации акцентирует внимание не на содержательной стороне постистины (не на том, что является содержанием знания, которое несет постистина, и насколько оно истинно; «событие становится вторичным и даже необязательным, а на первый план выступает его интерпретация» [28]), а на правилах ее продуцирования, включая и ответ на вопрос о субъектах, участвующих в этом. В связи с этим С. Фуллер вводит термин «протнаука», означающий науку, формируемую по аналогии с появлением протестантизма, бросившего вызов господствующей католической церкви; протнаука – протестантская наука, противостоящая официальной науке и исходящая из множественности истин, представленных не только учеными, но и теми, кто ими не является. В такой постановке проблемы «мир постистины – это неизбежный результат большей эпистемической демократии», мир, в котором «инструменты производства знания становятся общедоступными» [13, с. 117].

² Фуллер использует эти образы, ссылаясь на труды Н. Макиавелли и В. Парето [13, с. 12, 13].

Такой вариант понимания постправды/постистины отражает реалии глобального сетевого общества с бурным развитием, по терминологии М. Кастельса, процессов массовой самокоммуникации [6]; ситуацию крушения доверия граждан ко всем институтам, продуцирующим истинное знание, включая науку; торжество множественности подходов к формированию постправды/постистины; постулирование отсутствия границ между наукой и ненаукой, экспертами и *не*экспертами (что, по Т. Николсу, выражается в «смерти экспертизы» [10], а по С. Фуллеру означает «демократизацию» науки [13]). В чем-то сложившаяся ситуация идентична той, которая описана И. Кантом применительно к эпохе Просвещения, когда был осуществлен «выход человека из состояния несовершеннолетия», которое немецкий философ определял как «неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» [4, с. 29]. Концепция постправды Фуллера как раз и предполагает, что каждый человек может раскрыть в себе эксперта и выражать «свою» истину.

Следующий вариант интерпретации постправды (постистины) исходит из того, что она была всегда, сейчас же ввиду новых информационно-коммуникационных технологий просто стала более заметной. С провозглашением якобы наступившей эпохи постправды ничего принципиально нового в отношениях к правде (истине) не произошло, а «заклочения истины имеют очень долгую историю, поскольку они восходят, по крайней мере, к пятому веку до нашей эры» [22, р. 271]. Возросший же интерес в западной философии к постправде объясняется разработчиками этой интерпретации, скорее, не проблемами в познавательной деятельности, а политическим контекстом. Потрясение многих исследователей результаты президентских выборов в США, когда к власти пришла команда Д. Трампа, и итоги Brexit, послужившие основой выхода Соединенного Королевства из ЕС, заставили этих исследователей сделать вывод о том, что в процессе политического выбора электорат больше руководствуется эмоциями, чем рассудком. Отсюда мечты об эпистемократии с умными избирателями и обладающей полнотой знаний властной элите [14]. Интересно отметить, что в отечественной истории в период выборов президента Российской Федерации в 1996 г. команда Б.Н. Ельцина призывала электорат «голосовать сердцем», иными словами, ситуацию постправды сконструировали в России еще тогда.

Но не только политические причины обусловили появление феномена постправды (постистины). Среди иных причин можно выделить процессы развития дигитальных информационно-коммуникационных технологий, которые способствовали доступу широкой аудитории к значительному числу источников информации, реализовали возможность получать информацию онлайн, причем достаточно оперативно. Соцсети

дали возможность сформировать группы по интересам, найти единомышленников, развить процессы самокоммуникации до невиданных прежде масштабов. Но одновременно это привело и к ситуации, когда огромный поток информации обрушился на массовое сознание. «Простому человеку» стало трудно (а иногда и невозможно вследствие отсутствия соответствующих механизмов) отличить правду от лжи, что породило новые способы манипулирования массовым сознанием, в том числе и «способы использования человеческой доверчивости в своих интересах» [22, с. 280], для чего в ход идут фейковые новости, эхо-камеры, фильтрующие пузыри и пр. Вместе с тем это вызвало и стремление аудитории (по меньшей мере, части аудитории) докопаться до истины, участвовать в ее разработке (отсюда биохакерство, гражданская или народная наука, проведение краудсорсинговых исследований и пр.), что обозначается как «демократизация науки» по С. Фуллеру. Общим итогом всего это и стала ситуация, когда «понятие истины приобрело новое и неожиданное значение в нашей жизни» [22, с. 280].

Отметим и роль постмодернизма в формировании духовной ситуации, особенно современного западного общества, основанной на крайнем релятивизме. Одновременно нельзя не отметить падения в обществе доверия к науке, когда поставлены под сомнение прежние достижения институтов, продуцирующих истинное знание, и всё громче звучат их обвинения в догматизме, сокрытии правды. «Общество пресытилось научным знанием и убедило себя в том, что для благополучной жизни достаточно и его технических приложений» [5, с. 13]. Так, из анализа результатов проведенных социологических исследований следует, что с 2018 г. до начала пандемии COVID-19 число респондентов в мире, скептически настроенных по отношению к науке, неуклонно возрастало: с 29 % до 35 % [2]. Пандемия COVID-19 породила в общественном сознании новые сомнения (особенно когда речь шла о необходимости вакцинации, поиске причин появления самого вируса), но всё-таки привела к тому, что наметился тренд на увеличение доверия к науке (по данным опроса, в 2022 г. в целом 89 % респондентов доверяют науке, 86 % – ученым, но при этом всё равно 34 % респондентов скептически относятся к науке [2]). Как отмечал Ли Макинтайр, «я со всей серьезностью отношусь к отрицанию науки, потому что в последнее время оно стало повсеместным: мы рискуем погрузиться в культуру отрицательства, где истиной может быть объявлено всё что угодно» [11, с. 90]. Опять же, как справедливо отмечают некоторые авторы, «соцсети нередко превращаются в место, где процветает невежество, антинаука» [26].

В конечном итоге произошла смена правил игры, в результате чего каждый получил возможность заявить о своей правде (истине). «Мнением

налогоплательщика, электората, “человека с улицы” (А. Шюц) не только нельзя пренебречь: оно выходит на авансцену в обществе массового высшего образования, поисковых машин и социальных сетей» [5, с. 12]. Произошла ликвидация монополизации науки на производство истинного знания, и это создало свои риски.

Подводя итоги, отметим, что ситуация постправды (постистины) сформировала новые условия для развития рефлексивного знания, прежде всего, за счет «демократизации науки», а также валюативного знания, в том числе благодаря процессам самокоммуникации. Но полученные следствия должны быть критически переосмыслены. Так, демократизация науки не должна вести к снижению качества ее результатов. Значит, требуется еще раз вернуться к сформировавшимся правилам игры, проанализировать их в ракурсе возможных рисков, принять меры для их предотвращения. Это не равносильно запрету участия «народной науки» в производстве научных истин, но следует установить единые правила проверки полученных результатов, безопасности проведения исследований и т. п., применив, например, лицензирование для занятия научной деятельностью. Вызывает опасение и проявление модальной власти в науке, когда последняя превращается в сервисную науку [15]. Кроме того, требуется переосмысление самого понятия «наука». Должно произойти осознание того, что «целью науки является не поиск истины самой по себе, а либо наилучшие способы обоснования, либо лучшее понимание некоторого фрагмента реальности, либо решение конкретных проблем» [18, с. 13].

Вызывают много вопросов и предложения некоторых авторов перейти к эпистемократии. В связи с этим представляется важным, чтобы эпистемократия не противопоставлялась демократии, а для этого *не*эксперты должны получить механизмы постоянного участия в процессах принятия решений наряду с экспертами. К этому следует добавить и необходимость развития критического мышления, в том числе и у широкой аудитории соцсетей.

В настоящее время всё больше исследователей обращают внимание на то, что ситуация постправды (постистины) начинает преодолеваться, и в связи с этим констатируют формирование ситуации постпостправды (постпостистины) [11, 23]. С одной стороны, ситуация постправды не исчезла и продолжает существовать, но, с другой стороны, всё больше растет понимание того, что постправда не представляет собой надежный «эпистемологический компас» для правильной ориентации как в культурной, так и в природной среде [23]. Отсюда поиски «эпистемологического компаса», который «может быть сосредоточен только на правдоподобном понятии объективности» [23]. «Общественное отношение к истине глубоко изменилось ..., потребность людей в истине получила новое внимание и полу-

чила всеобщее признание» [22, р. 279]. К этому следует прибавить ощущение тоски по реализму, называемому некоторыми авторами «позитивным реализмом» [20].

Однако разные трактовки постправды не позволяют однозначно утверждать, что она констатирует отрыв от действительности, не признает истину как некий методологический руководящий принцип. Так, полемизируя с Марчелло Делль’Утри, разработчиком понятия «эпистемологический компас», С. Фуллер отмечает, что «в более общем смысле условие постправды не связано с отрицанием фактов в обычном понимании. Скорее, речь идет об отрицании привилегированного контекста, в рамках которого следует понимать значение фактов» [24]. Неоднозначность, многоаспектность понятия постправды (постистины) делает его анализ затруднительным. Вместе с тем полагаем, что данный феномен отражает этап развития, с одной стороны, коммуникационных процессов, а с другой стороны, эпистемологии, фиксируя изменения правил игры, процесс пролиферации истин. Постправда (постистина) – это констатация определенного состояния общества, которое следует пережить. Главное в данном случае – сохранить уважение к правде и истине.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – М.: Постум, 2017. – 240 с.
2. Глобальное исследование 3М. Science. – URL: https://www.3m.com/3M/en_US/state-of-science-index-survey/interactive-3m-state-of-science-survey/ (accessed: 16.01.2023).
3. *Иванов А.В., Миронов В.В.* Университетские лекции по метафизике. – М.: Современные тетради, 2004. – 647 с.
4. *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое просвещение? 1784 / пер. Ц.Г. Арзаканьяна // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 29–38.
5. *Касавин И.Т.* Как возможна политическая философия науки? // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. 45, № 3. – С. 5–15.
6. *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич. – М.: Изд. дом дом Высш. школы экономики, 2017. – 591 с.
7. *Латуф Б.* Политики природы: как привить наукам демократию / пер. с фр. Е. Блинов. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 335 с.
8. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. – СПб.: Ин-т эксперим. социологии; М.: Алетейя, 1998. – 160 с.
9. *Мамджян К.Х.* Об истине и правде // Философские науки. – 2019. – Т. 62, № 3. – С. 110–123.
10. *Николс Т.* Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания / пер. с англ. Т.Л. Платоновой. – М.: Эксмо, 2019. – 368 с.

11. Отрицание науки и постправда: новые темные века. Беседа Ричарда Маршалла с философом Ли Макинтайром // *Неприкосновенный запас*. – 2022. – № 3 (143). – С. 88–100.
12. «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. – СПб.: Скифия-принт, 2018. – 216 с.
13. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Краlechкина; под ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2021. – 368 с.
14. Хмелевская С.А. Научное знание в разных моделях эпистемократии // *После постпозитивизма*. – М.: Русское общество истории и философии науки, 2022. – С. 436–439.
15. Хмелевская С.А. Сервисная модель науки, или к вопросу об изменении статуса науки в обществе // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 389–398.
16. Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Обоснование свидетельского знания в религиозной эпистемологии: подход Дж. Греко // *Идеи и идеалы*. – 2021. – Т. 13, № 4, ч. 2. – С. 476–490.
17. Хруль В.М. «Постправда» в глобальном контексте: популярность, эвристическая ценность и онтологическая сущность // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 5–22.
18. Шевченко А.А. «Постправда» как новый «режим истины» // *Гуманитарный вектор*. – 2019. – Т. 14, № 4. – С. 8–14.
19. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. – М.: Канон+: Реабилитация, 2009. – 330 с.
20. Gili G., Maddalena G. After Post-Truth Communication: A Problematic Return to Reality // *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*. – 2022. – Vol. 14 (1). – P. 1–18. – DOI: 10.4000/ejrap.2795.
21. Godler Y. Post-Post-Truth: An Adaptationist Theory of Journalistic Verism // *Communication Theory*. – 2020. – Vol. 30, iss. 2. – P. 169–187. – DOI: 10.1093/ct/qtz031.
22. D'Agostini F. Misunderstandings about truth // *Church, Communication and Culture*. – 2019. – Vol. 4, N 3. – P. 266–286. – DOI: 10.1080/23753234.2019.1667252.
23. Dell'Utri M. Why Post-Truth Cannot Be Our Epistemological Compass // *Social Epistemology*. – 2023. – Vol. 37, iss. 2. – P. 164–176. – DOI: 10.1080/02691728.2022.2145858.
24. Fuller S. The Epistemological Compass and the (Post)Truth about Objectivity // *Social Epistemology*. – 2023. – Vol. 37, iss. 2. – P. 242–247. – DOI: 10.1080/02691728.2022.2150988.
25. Keyes R. *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. – New York: St. Martin's Press, 2004. – URL: https://hadinur1969.files.wordpress.com/2018/10/ralph-keyes-the-post-truth-era_-dishonesty-and-deception-in-contemporary-life-st-martin_s-press-2004.pdf (accessed: 15.05.2023).

26. *Marin L., Copeland S.M.* Self-Trust and Critical Thinking Online: A Relational Account // *Social Epistemology*. – 2022. – December. – DOI: 10.1080/02691728.2022.2151330.

27. *McComiskey B.* Post-truth rhetoric and composition. – Logan, UT: Utah State University Press, 2017. – 52 p. – DOI: 10.7330/9781607327455.

28. *Roberts D.* Post-truth Politics // *Grist*. – 2010. – April, 1. – URL: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/> (accessed: 15.05.2023).

29. Post-Truth // *Oxford Learners Dictionaries*. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/post-truth> (accessed: 15.05.2023).

Статья поступила в редакцию 01.02.2023.

Статья прошла рецензирование 11.02.2023.

RETURNING TO THE PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF THE PHENOMENON OF POST-TRUTH

Khmelevskaya, Svetlana,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Professor at the Department of Philosophy of Natural Science,

Faculty of Philosophy,

Lomonosov Moscow State University,

Leninskiye Gory, Lomonosov Moscow State University, "Shuvalovskiy Building",

Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0119-405X

xmelevsk@mail.ru

Yablokova, Nataliya,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Professor at the Department of Philosophy,

Moscow State Technological University "STANKIN",

1 Vadkovskiy lane, Moscow State Technological University "STANKIN",

Moscow, GSP-4, 127994, Russian Federation

n020337@yandex.ru

Abstract

The subject of the study is the phenomenon of post-truth (reflective post-truth and valuative post-truth), considered from the perspective of philosophical methodology, for which the authors turn to the definition of this phenomenon and the analysis of its essence. The article indicates the difficulties that the very construction of this term causes. In addition, the indistinguishability of the notions 'reflective truth' and 'valuative truth' leads to incorrect translations of the term 'post-truth' into Russian. The authors of the article believe that the term 'post-truth' can be translated as 'reflective post-truth' and applied to reflective knowledge, revealing objects in their own logic of development, and as 'valuative post-truth' – in relation to value knowledge, revealing an axiological approach to the world. The analysis of the use of the term 'post-truth' has shown that there are at least three approaches: in a negative connotation, as a state of society in which the universally valid truth (objective truth) has 'disappeared', everyone interprets it in their own way, although 'their' interpretation is, in fact, an imposed interpretation; in a positive connotation, when in a state of post-truth, the truth is not denied, but it is stated that it has changed the form of its existence, dissolving into partial truths expressed by numerous subjects; in a neutral connotation, proceeding from the fact that the post-truth has always been, now, due to new information and communication technologies, it has simply become more noticeable. In conclusion, it is concluded that the situation of post-truth has created new conditions for the development of reflective knowledge, primarily due to the 'democratization of science', as well as value knowledge – including through

the processes of self-communication. But the results obtained must be critically rethought. This means that it is necessary to return once again to the established rules of the game, analyze them from the perspective of possible risks, and take measures to prevent them. To this should be added the need to develop critical thinking, including among a wide audience of social networks.

Keywords: truth, verity, post truth, reflective knowledge, value knowledge, beliefs, rules of the game, democratization of science, manipulation of mass consciousness.

Bibliographic description for citation:

Khmelenskaya S., Yablokova N. Returning to the Philosophical Comprehension of the Phenomenon of Post-Truth. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 2, pt. 1, pp. 11–27. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-11-27.

References

1. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, Galilée, 1981. 108 p. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Simulyakry i simulyatsii*. Translated from French A. Kachalov. Moscow, Postum Publ., 2017. 240 p.).
2. 3M. Science. Available at: https://www.3m.com/3M/en_US/state-of-science-index-survey/interactive-3m-state-of-science-survey/ (accessed 16.01.2023).
3. Ivanov A.V., Mironov V.V. *Universitetskie lektsii po metafizike* [University lectures on metaphysics]. Moscow, Sovremennye tetrad Publ., 2004. 647 p.
4. Kant I. Otvet na vopros: Chto takoe prosveshchenie? 1784 [An answer to the question: What is enlightenment?]. Kant I. *Sobranie sochinenii* [Works]. In 8 vol. Vol. 8. Moscow, Choro Publ., 1994, pp. 29–38. (In Russian).
5. Kasavin I.T. Kak vozmozhna politicheskaya filosofiya nauki? [How Is Political Philosophy of Science Possible?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2015, vol. 45, no. 3, pp. 5–15.
6. Castells M. *Communication power*. Oxford, Oxford University Press, 2013 (Russ. ed.: Kastel's M. *Vlast' kommunikatsii*. Moscow, HSE Publ., 2017. 591 p.).
7. Latour B. *Politiki prirody: kak privit' naukam demokratiyu* [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy]. Moscow, Ad Marginem Press, 2018. 335 p. (In Russian).
8. Lyotard J.-F. *La condition postmoderne* [The postmodern condition]. Paris, Les Éditions de Minuit, 1979 (Russ. ed.: Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 160 p.).
9. Momdzhyan K.Kh. Ob istine i pravde [On the Reflective Truth and Valuative Truth]. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2019, vol. 62, no. 3, pp. 110–123.
10. Nichols T. *Smert' ekspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniya* [The death of expertise the campaign against established knowledge and why it matters]. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 368 p. (In Russian).

11. McIntyre L. Otritsanie nauki i postpravda: novye temnye veka. Beseda Richarda Marshalla s filosofom Li Makintairom [Denial of science and post-truth: the New Dark Ages. Richard Marshall's conversation with philosopher Lee McIntyre]. *Neprikonovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture = Debates on politics and culture*, 2022, no. 3 (143), pp. 88–100.
12. Popova O.V., ed. «Politika postpravdy» i populizm [“Post-truth politics” and populism]. St. Petersburg, Skifiya-print, 2018. 216 p.
13. Fuller S. *Post-Truth. Knowledge as a Power Game*. Anthem Press, 2018 (Russ. ed: Fuller S. *Postpravda. Znanie kak bor'ba za vlast'*. Moscow, HSE Publ., 2021. 368 p.).
14. Khmelevskaya S.A. Nauchnoe znanie v raznykh modelyakh epistemokratii [Scientific knowledge in different models of epistocracy]. *Posle postpozitivizma [After postpositivism]*. Moscow, Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki Publ., 2022, pp. 436–439.
15. Khmelevskaya S.A. Servisnaya model' nauki, ili k voprosu ob izmenenii statusa nauki v obshchestve [The service model of science, or to the question of changing the status of science in society]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 389–398.
16. Khmelevskaya S., Yablokova N. Obosnovanie svidetel'skogo znaniya v religioznoi epistemologii: podkhod Dzh. Greko [Substantiation of the Testimonial Knowledge in the Religious Epistemology: The Approach of J. Greco]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 4, pt. 2, pp. 476–490.
17. Khroul V.M. «Postpravda» v global'nom kontekste: populyarnost', evristicheskaya tsennost' i ontologicheskaya sushchnost' [“Post-truth” in a global context: popularity, heuristic value and ontological essence]. *Kommunikatsii. Media. Dizain = Communications. Media. Design*, 2022, vol. 7, no. 1, pp. 5–22.
18. Shevchenko A.A. «Postpravda» kak novyi «rezhim istiny» [“Post-Truth” as a New “Regime of Truth”]. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian vector*, 2019, vol. 14, no. 4, pp. 8–14.
19. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science.]. Moscow, Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 2009. 330 p.
20. Gili G., Maddalena G. After Post-Truth Communication: A Problematic Return to Reality. *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*, 2022, vol. 14 (1), pp. 1–18. DOI: 10.4000/ejpap.2795.
21. Godler Y. Post-Post-Truth: An Adaptationist Theory of Journalistic Verism. *Communication Theory*, 2020, vol. 30, iss. 2, pp. 169–187. DOI: 10.1093/ct/qtz031.
22. D'Agostini F. Misunderstandings about truth. *Church, Communication and Culture*, 2019, vol. 4, no. 3, pp. 266–286. DOI: 10.1080/23753234.2019.1667252.
23. Dell'Utri M. Why Post-Truth Cannot Be Our Epistemological Compass. *Social Epistemology*, 2023, vol. 37, iss. 2, pp. 164–176. DOI: 10.1080/02691728.2022.2145858.
24. Fuller S. The Epistemological Compass and the (Post)Truth about Objectivity. *Social Epistemology*, 2023, vol. 37, iss. 2, pp. 242–247. DOI: 10.1080/02691728.2022.2150988.

25. Keyes R. *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York, St. Martins' Press, 2004. Available at: https://hadinur1969.files.wordpress.com/2018/10/ralph-keyes-the-post-truth-era_-dishonesty-and-deception-in-contemporary-life-st-martin_s-press-2004.pdf (accessed 15.05.2023).

26. Marin L., Copeland S.M. Self-Trust and Critical Thinking Online: A Relational Account. *Social Epistemology*, 2022, December. DOI: 10.1080/02691728.2022.2151330.

27. McComiskey B. *Post-truth rhetoric and composition*. Logan, UT, Utah State University Press, 2017. 52 p. DOI: 10.7330/9781607327455.

28. Roberts D. Post-truth Politics. *Grist*, 2010, April, 1. Available at: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/> (accessed 15.05.2023).

29. Post-Truth. *Oxford Learners Dictionaries*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/post-truth> (accessed 15.05.2023).

The article was received on 01.02.2023.

The article was reviewed on 11.02.2023.